

СОКРАТ

Злые причиняют своим ближним
какое-нибудь зло, а добрые – добро

Гораздо труднее уйти от нравственной порчи,
потому что она идет скорее, чем смерть

Жизнь без испытаний – это не жизнь

Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Популярная философия с иллюстрациями

Сократ

**Я ничего не знаю. С
комментариями и иллюстрациями**

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

450–399 г. до н.э.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Сократ

Я ничего не знаю. С комментариями и иллюстрациями /
Сократ — «ФТМ», «Издательство АСТ», 450–399 г. до
н.э. — (Популярная философия с иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-136065-8

Древнегреческий философ Сократ, так же как и Конфуций, не оставил своих произведений. Но его ученики, Платон и Ксенофонт, в форме диалогов и небольших рассказов передали нам философские взгляды Сократа. Благодаря этому мы знаем, чему учил Сократ, каковы были его главные жизненные ценности, какие проблемы бытия его занимали. Впервые в одном сборнике собраны высказывания мудрого философа, у которого и сегодня читателю есть чему поучиться. Правда, порой в текстах Платона Сократ говорит одно, а в текстах Ксенофонта, по тому же самому вопросу, совершенно другое, будто сам себе противоречит. Это вызвано памятью и толкованием мыслей учителя его не менее известными учениками. Но тем интереснее следить за цепочкой соображений Сократа и делать собственные выводы. Сборник логично дополняют биографические заметки о философе Диогена Лаэртского, который кратко описывает жизнь Сократа и рассказывает о его трагической смерти. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-136065-8

© Сократ, 450–399 г. до н.э.

© ФТМ, 450–399 г. до н.э.

© Издательство АСТ, 450–399 г. до н.э.

Содержание

Мудрый гражданин Афин	6
Платон	8
После обвинительных речей	9
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сократ

Я ничего не знаю

Мудрый гражданин Афин

Сократ родился около 470 г. до н. э. в Афинах, был коренным жителем Афин, из дема (района) Алопеки, то есть «Лисьей земли» (так же переводится крымская Алушка). Отец его был скульптором, исполнителем государственных заказов, но все наследство он оставил старшему сыну, так что Сократ с ранней юности вел скромный образ жизни. Сократ стоит первым в ряду интеллектуалов, не рассчитывавших на наследство, но зарабатывавших лишь своим умом: впоследствии такими же были в Европе внебрачные дети богачей, например Боккаччо или Эразм Роттердамский. Сократ считал, что его род восходит к самому Дедалу, мифологическому изобретателю: в Афинах многие называли себя потомками богов или полубогов.

Возможно, что на жизнь Сократ зарабатывал как скульптор на общественных подрядах, но чаще он получал подарки и угощения, пользуясь привилегией образованных людей, но никогда не брал деньги за свои занятия, в отличие от его современников – софистов, учивших красноречию и искусному рассуждению. Сократ считал, что важнее научить человека сомневаться, чем поспешно излагать готовое знание. Себя он сравнивал с повивальной бабкой, помогающей человеку породить из себя новое знание, а свой метод называл «наведением»: задавая наводящие вопросы, он учил собеседника понимать односторонность прежней точки зрения.

С точки зрения афинского законодательства Сократ по праву рождения был «фармаком», «проклятым», человеком, ограниченным в имущественных правах – в древнейших Афинах таких людей приносили в искупительную жертву, чтобы город не постигло бедствие. Но в Афинах V века до н. э. нравы стали гуманнее: Сократа уважали за его личное мужество и добросовестность в государственных делах. Он участвовал в Пелопонесских войнах и совершил несколько подвигов по-нашему, был «награжден медалями». Он входил в круг Перикла, будучи учеником советника Перикла, философа и музыканта Дамона. Именно от Дамона Сократ воспринял главную свою мысль, что можно учить не только отдельным искусствам, но и добродетели. Как судья Сократ спас полководцев, которых должны были казнить за то, что они не успели похоронить погибших, тем самым осквернив небо (трупы полагалось убирать до захода солнца, чтобы не прогневать ночных богов, как и Библия велит людям мириться до захода солнца), чем настроил против себя приверженцев старого благочестия.

Именно они были главными врагами Сократа, рукоплескавшими в 423 году комедии Аристофана «Облака», вместившей в себя предвзятое настроение толпы против образованных людей. В этой комедии Сократ был изображен бездельником, лежащим в гамаке, который учит искусно врать и обманывать. Это была совершенно несправедливая карикатура: Сократ всю жизнь спорил с софистами, учителями красноречия, которые за деньги учили манипулировать слушателями, а Аристофан отнес его к числу софистов.

Сократ был женат, по некоторым данным, даже не раз, имел трех сыновей, Лампрокла, Софрониска и Менексена, ничем особо не отличившихся. Сократа укоряли, что он воспитывает все Афины, не воспитывая собственных детей. Но на самом деле для Сократа было важно научить людей общаться на гражданские темы, связав политику и нравственность, поэтому он заводил разговоры на площадях и в собраниях, задавая свои провокационные и каверзные вопросы. Говоря по-нашему, он приходил на корпоративные мероприятия в органы власти и на фирмы и показывал, что одного знания отдельных искусств, одних практических навыков недостаточно для принятия стратегических решений.

Сократ умел читать и писать, даже немало читал, но предпочитал не писать, по сути будучи «коучем» или «тренером», причем совершенно бескорыстным и нравственно безупречным. Если совсем кратко излагать его философию, в основе ее лежат следующие положения:

- практическое знание еще не есть настоящее знание, потому что оно не может себя обосновать;
- ища подлинного знания и смысла жизни, человек начинает слышать внутренний голос
- в нем проявляется сознание и совесть;
- в сравнении с голосом сознания любое знание оказывается ложным знанием, знанием только об отдельных явлениях;
- наука может развиваться, когда она добродетельна и укоренена в истинном знании, знании о том, что хорошо, а что плохо;
- добродетели можно научить, объяснив, сколь она лучше и полезнее порока;
- обучение добродетели позволяет сделать лучше и частную жизнь, и жизнь общества;
- дружба и любовь убедительнее как частных аргументов, так и слишком театрального красноречия софистов.

Мысли Сократа мы знаем, прежде всего, благодаря двум его великим ученикам: историку Ксенофону и философу Платону, блестящим стилистам, усвоившим все тонкости рассуждений своего учителя.

Тем временем Афины пережили спартанскую оккупацию и диктатуру Тридцати тиранов. Хотя Сократ всегда держался достойно и выступал патриотом своего города, его упрекали в том, что в числе Тридцати тиранов был его ученик Критий, а другой его ученик, Алкивиад, совершил неудачные военные походы. В 399 году ему было официально предъявлено обвинение в непочтении к городским богам, введении новых богов и развращении юношества, иначе говоря, в воспитании предателей. Понятно, сколь злостно несправедливы все три обвинения: Сократ всегда велел учиться у богов добродетели, угождать богам самыми добрыми делами, а если и говорил о своем внутреннем «божестве» (демоне), голосе сознания и совести, то ведь не было запрещено чтить домашних богов. Тем не менее афиняне, напуганные военными поражениями и гражданскими неурядицами последних лет, выступили большинством голосов за казнь Сократа. Сократ должен был как свободный гражданин сам выпить яд, сок цикуты, всем нам известного растения-«зонтика», и во время казни показал, каким самообладанием отличается мудрец.

В данном издании «Апология Сократа» приводится в переводе М. С. Соловьева, а другие сочинения Платона – В. Н. Карпова. Сочинения Ксенофонта даны в переводе С. И. Соболевского, а посвященная Сократу глава из труда Диогена Лаэртского «О жизни, учении и изречениях знаменитых философов» («Жизнь Сократа») – М. Л. Гаспарова.

Все тексты Платона, Ксенофонта и Диогена Лаэртского сверены с греческим подлинником, и на основе этой сверки написаны примечания. При этом в переводе заменены все устаревшие слова и выражения, вроде «поелику», устаревшее написание имен, как Хризипп, в некоторых случаях исправлены ошибки и неточности переводов, в ряде случаев в примечаниях оговаривается, когда перевод не до конца передает мысль оригинала.

Составитель благодарит Галину Анатольевну Орлову за вдохновенные собеседования.

Александр Марков

Платон

Апология Сократа

Перевод *М. С. Соловьева*

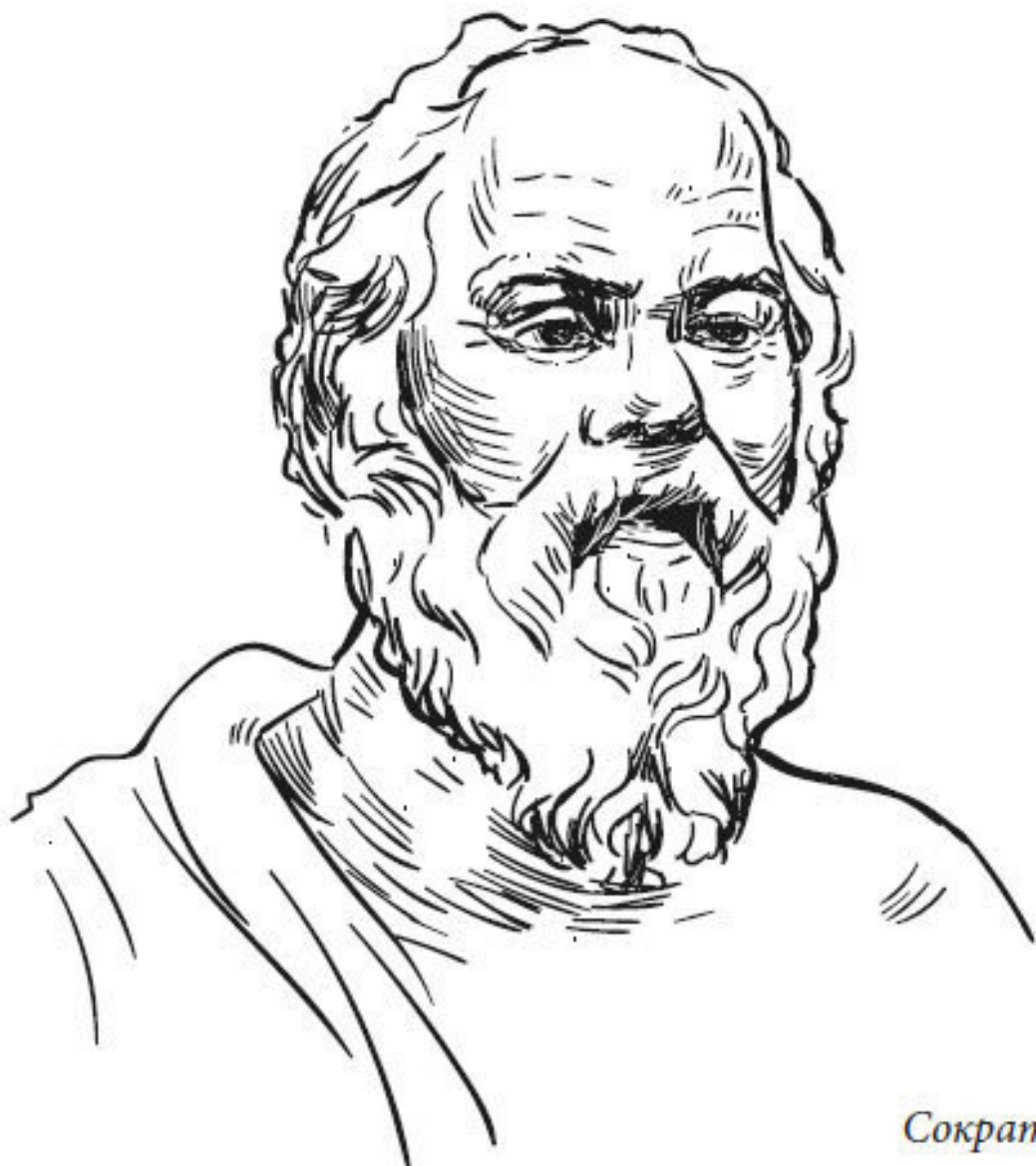
Апология – защитительная речь в античном суде, преследовавшая сразу две цели: доказать собственную правоту, на фоне которой будет ярко выступать неправота обвинителей, и показать, что в случае победы обвинителей последствия будут самыми нежелательными. Поэтому апология всегда сплетает две темы: тему высшей правды, которую отстаивал защищающий себя, включающей всевозможные благословения богов, и тему вреда от противников разумного социального порядка, их корысти и неспособности ответить на простые вопросы. Поэтому в апологии слова таких злостных противников не всегда цитируются точно, хотя суть обвинения передается верно, тогда как о богах, благословениях и священном праве говорится подробно. В этом смысле написанная Платоном «Апология Сократа» – идеальный образец апологии: раз Сократа обвинили в презрении к общепризнанным богам и после казни Сократа положение Афин на международной арене сильно ухудшилось, то перед нами не просто апология, а сама история. Сократ грозил Афинам, что после его казни политика в городе придет в совершенное расстройство и некому будет учить добродетели, – так и произошло, и апология оказалась историческим сочинением.

Не вполне ясно, что такое эта Апология, записанная Платоном, хотя и с дополнениями и систематизацией, – подлинная речь Сократа, пусть даже вольно воспроизведенная по памяти на письме, или написанная Платоном и другими учениками Сократа защитительная речь для учителя, которую он должен был выучить и произнести. Скорее всего, первое: дело даже не в том, что Сократ был достаточно красноречив, чтобы обходиться без помощников, составляющих речи, а в том, что он прямо говорил, будто он собеседник божества – и тогда подмечать непосредственное откровение литературными опытами будет нечестиво. Ксенофонт тоже записал Апологию, и там речь Сократа живее, но обрывочнее. Поэтому мы можем в Апологии Платона услышать подлинную речь Сократа, хотя бы и записанную по памяти и, возможно, весьма приглаженную и упорядоченную Платоном исходя из его представлений о хорошем вкусе, в то время как Ксенофонт законспектировал главное, что произвело на него впечатление, и придал этому блестящую художественную форму. Мы из нее узнаем, как именно Сократ выступал перед широкой публикой, а не в диалоге с отдельными собеседниками. Сам Сократ упоминает и другие свои выступления во время политической и судебной деятельности, так что он обращался к Совету Пятисот, к публике, знавшей о силе его аргументации, хотя и часто опасавшейся его ума, – что и предопределило печальный исход событий.

После обвинительных речей

Как подействовали мои обвинители на вас, о мужи афиняне, я не знаю; что же меня касается, то от их речей я чуть было и сам себя не забыл: так убедительно они говорили. Тем не менее, говоря без обиняков, верного они ничего не сказали. Но сколько они ни лгали, всего больше удивился я одному – тому, что они говорили, будто вам следует остерегаться, как бы я вас не провел своим ораторским искусством; не смутиться перед тем, что они тотчас же будут опровергнуты мною на деле, как только окажется, что я вовсе не силен в красноречии, это с их стороны показалось мне всего бесстыднее, конечно, если только они не считают сильным в красноречии того, кто говорит правду; а если это они разумеют, то я готов согласиться, что я – оратор, только не на их образец. Они, повторяю, не сказали ни слова правды, а от меня вы услышите ее всю. Только уж, клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите речи разнаряженной, украшенной, как у этих людей, изысканными выражениями, а услышите речь простую, состоящую из первых попавшихся слов. Ибо я верю, что то, что я буду говорить, – правда, и пусть никто из вас не ждет ничего другого; да и неприлично было бы мне в моем возрасте выступать перед вами, о мужи, наподобие юноши с придуманною речью.

Украшенная речь – так называлась риторически организованная, «эффектная речь» в противоположность простой или бытовой. Под украшениями понимались не столько красивые слова или богатые метафоры, сколько особый ритм речи, ее созвучия, звонкость, декоративность, которая очаровывает слушателя, не позволяя ему достаточно критично отнестись к содержанию.

Сократ

Так вот я и прошу вас убедительно и умоляю, о мужи афиняне: услышавши, что я защищаюсь теми же словами, какими привык говорить и на площади у меняльных лавок, где многие из вас слышали меня, и в других местах, не удивляйтесь и не поднимайте из-за этого шума.

Меняльные лавки – пункты обмена валюты, где собиралось множество людей деловых и даже азартных, но часто плохо владевших греческим языком: иностранцы или деревенский люд. Сократ подчеркивает, что его речь была так проста, что ее мог понять даже тот, для кого греческий язык не родной. Далее Сократ иронизирует, что язык юриспруденции ему как иностранный язык и что обвинителям хорошо бы поучиться у него правдивости, которая выше разделений между языками.

Дело-то вот в чем: в первый раз пришел я теперь в суд, будучи семидесяти лет от роду; так ведь здешний-то язык просто оказывается для меня чужим, и как вы извинили бы меня, если бы я, будучи в самом деле чужеземцем, говорил на том языке и тем складом речи, к которым привык с детства, так и теперь я прошу у вас не более, чем справедливости, как мне кажется, – позволить мне говорить по моему обычаю, хорош он или нехорош – все равно, и смотреть

только на то, буду ли я говорить правду или нет; в этом ведь и заключается долг судьи, долг же оратора – говорить правду.

И вот правильно будет, о мужи афиняне, если сначала я буду защищаться против обвинений, которым подвергался раньше, и против первых моих обвинителей, а уж потом против теперешних обвинений и против теперешних обвинителей. Ведь у меня много было обвинителей перед вами и раньше, много уже лет, и все-таки ничего истинного они не сказали; их-то опасаюсь я больше, чем Анита с товарищами. И эти тоже страшны, но те еще страшнее, о мужи! Большинство из вас они восстанавливали против меня, когда вы были детьми, и внушали вам против меня обвинение, в котором не было ни слова правды, говоря, что существует некий Сократ, мудрый муж, который испытует и исследует все, что над землею, и все, что под землею, и выдает ложь за правду.

Выдает ложь за правду – Сократ имеет в виду карикатуру на него в комедии Аристофана «Облака», где Сократ, чтобы обучить адепта, вызывает на сцену Правду и Кривду, и Кривда доказывает, что якобы скромное и честное поведение не приводило к успеху.

Вот эти-то люди, о мужи афиняне, пустившие эту молву, и суть страшные мои обвинители, потому что слушающие их думают, что тот, кто исследует подобные вещи, тот и богов не признает. Кроме того, обвинителей этих много и обвиняют они уже давно, да и говорили они с вами в том возрасте, когда вы больше всего верили на слово, будучи детьми, некоторые же юношами, словом – обвиняли заочно, в отсутствие обвиняемого. Но всего нелепее то, что и по имени-то их никак не узнаешь и не назовешь, разве вот только сочинителей комедий. Ну а все те, которые восстанавливали вас против меня по зависти и злобе или потому, что сами были восстановлены другими, те всего неудобнее, потому что никого из них нельзя ни привести сюда, ни опровергнуть, а просто приходится как бы сражаться с теньями, защищаться и опровергать, когда никто не возражает.

Сражаться с теньями – вероятно, образ тренировки, битвы с воображаемым противником, Сократ здесь имеет в виду, что некоторых из его прежних обвинителей уже нет в живых, и поэтому сейчас обвинители, солидаризуясь с бывшими критиками, нарушают право Сократа на гласную защиту, ссылаясь на те карикатуры, которые распространялись без его извещения и которые он поэтому не мог опровергнуть.

Так уж и вы тоже согласитесь, что у меня, как я сказал, два рода обвинителей: одни – обвинившие меня теперь, а другие – давнишние, о которых я сейчас говорил, и признайте, что сначала я должен защищаться против давнишних, потому что и они обвиняли меня перед вами раньше и гораздо больше, чем теперешние. Хорошо.

Итак, о мужи афиняне, следует защищаться и постараться в малое время опровергнуть клевету, которая уже много времени держится между вами.

Малое время – время судебной речи строго отмерялось, потому что суд был тоже одним из ритуалов. Сократ иронизирует, что обвинители клеветали на него издавна, тем самым злоупотребляя чужим временем.

Желал бы я, разумеется, чтобы так оно и случилось и чтобы защита моя была успешной, конечно, если это к лучшему и для вас, и для меня. Только я думаю, что это трудно, и для меня вовсе не тайна, какое это предприятие. Ну да уж относительно этого пусть будет как угодно Богу, а закон следует исполнять и защищаться.

Припомним же сначала, в чем состоит обвинение, от которого пошла обо мне дурная молва, полагаясь на которую Мелет и подал на меня жалобу. Хорошо. В каких именно выражениях клеветали на меня клеветники? Следует привести их показание, как показание настоящих

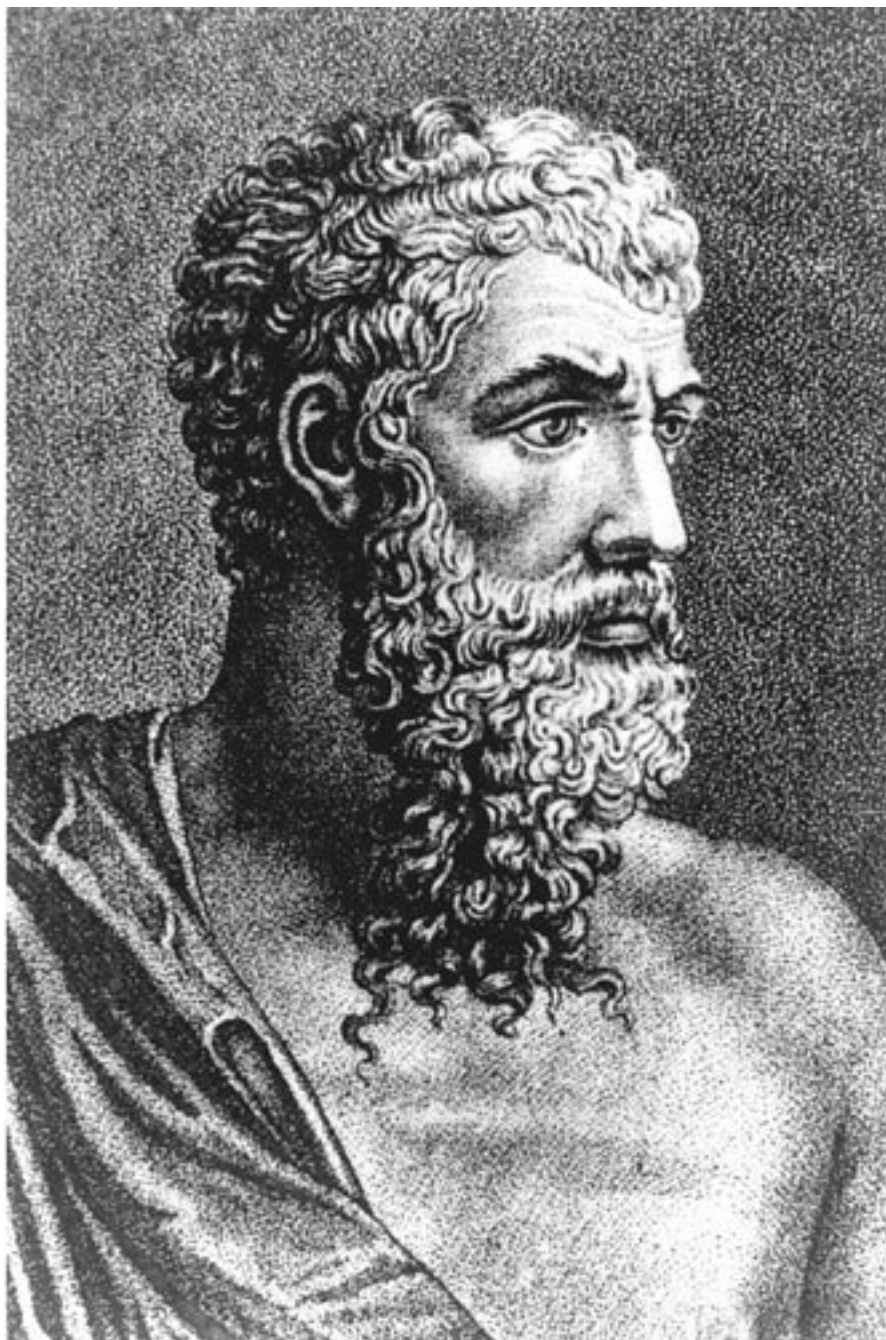
обвинителей: Сократ преступает закон, тщетно испытывая то, что под землею, и то, что в небесах, выдавая ложь за правду и других научая тому же. Вот в каком роде это обвинение. Вы и сами видели в комедии Аристофана, как какой-то Сократ болтается там в корзинке, говоря, что он гуляет по воздуху, и несет еще много разного вздору, в котором я ничего не смыслю. Говорю я это не в укор подобной науке и тому, кто достиг мудрости в подобных вещах (недоставало, чтобы Мелет обвинил меня еще и в этом!), а только ведь это, о мужи афиняне, нисколько меня не касается. А в свидетели этого призываю большинство из вас самих и требую, чтобы это дело обсудили между собою все те, кто когда-либо меня слышал; ведь из вас много таких. Спросите же друг у друга, слышал ли кто из вас когда-либо, чтобы я хоть сколько-нибудь рассуждал о подобных вещах, и тогда вы узнаете, что настолько же справедливо и все остальное, что обо мне говорят.

В комедии Аристофана – в комедии «Облака» Сократ висит в воздухе, чтобы напиться эфирными мыслями. Сократ рассуждает:

Бессильна мысль
Проникнуть в тайны мира запредельного,
В пространствах не повиснув и не будучи
Соединенной с однородным воздухом.
Нет, находясь внизу и взоры ввысь вперив,
Я ничего б не понял. Сила земная
Притягивает влагу размышления.
Не то же ли случается с капустою?

(Пер. А. Пиотровского)

На самом деле Сократ не занимался натурфилософией, хотя бы потому, что обычно для этого нужно было иметь царское или жреческое достоинство или хотя бы высокое положение. Сократ был влиятельным лицом в городе, но как ремесленник он не обладал соответствующей «профессией» созерцателя и толкователя мироздания.

Аристофан

А если еще кроме всего подобного вы слышали от кого-нибудь, что я берусь воспитывать людей и зарабатываю этим деньги, то и это неправда; хотя мне кажется, что и это дело хорошее, если кто способен воспитывать людей, как, например, леонтинец Горгий, кеосец Продик, элидец Гиппий.

Горгий Леонтийский (ок. 480–380 до н. э.) – учитель красноречия, основатель софистики, создатель «горгиевых фигур» – ритмических закономерностей и внутренних рифм в прозе, заставлявших слушателя поверить даже невероятному. Горгий был автором нескольких скандальных речей, по сути пропагандировавших преимущества риторики перед философией: «Похвала Елене», в которой безрассудный поступок Елены оправдывался неотразимым воздействием красноречия Париса, и «О

небытии», где Горгий противопоставил поискам философами сущности мира, «бытия», обобщение случайных наблюдений над вещами, не позволяющих надежно утверждать устойчивое существование вещей. Славился и как мастер на все руки, что было важно для утверждения культурной репутации софиста.

Продик Кеосский (ок. 465–395 до н. э.) – софист, первым введший синонимию в красноречие, требование разнообразить речь синонимами, которое до сих пор лежит в основе школьной стилистики. Продик также сводил религию к полезности, считая, что религия возникла из обожествления «полезных» вещей, таких как солнце, луна или вода.

Гиппий Элидский (ок. 460–ок. 400 до н. э.) – учитель красноречия, эрудит, которому приписывались некоторые математические открытия, основатель хронологии как раздела исторической науки. В своих трудах он отстаивал противопоставление «природы» и «закона», важное для всего дальнейшего развития философии.

Все они, о мужи, разъезжают по городам и убеждают юношей, которые могут даром пользоваться наставлениями любого из своих сограждан, оставлять своих и поступать к ним в ученики, платя им деньги, да еще с благодарностью. А вот и еще, как я узнал, проживает здесь один ученый муж с Пароса.

Эвен Паросский (ок. 440–380 до н. э.) – учитель красноречия, поэт. Утверждал, что красноречие – «мусическое» искусство, близкое музыке в нашем понимании. Изобретатель косвенного порицания («может быть, ты неправ») и косвенной похвалы («может быть, ты даже справился с этим лучше всех»).

Встретился мне на дороге человек, который переплатил софистам денег больше, чем все остальные вместе, – Каллий, сын Гиппоника; я и говорю ему (а у него двое сыновей): «Каллий! Если бы твои сыновья родились жеребятами или бычками, то нам следовало бы нанять для них воспитателя, который бы усовершенствовал присущую им породу, и человек этот был бы из наездников или земледельцев; ну а теперь, раз они люди, кого думаешь взять для них в воспитатели? Кто бы это мог быть знатоком подобной доблести, человеческой или гражданской? Полагаю, ты об этом подумал, приобретя сыновей? Есть ли таковой, спрашиваю, или нет?» «Конечно, – отвечает он, – есть». «Кто же это? – спрашиваю я. – Откуда он и сколько берет за обучение?» «Эвен, – отвечает он, – с Пароса, берет по пяти мин, Сократ». И благословил я этого Эвена, если правда, что он обладает таким искусством и так недорого берет за обучение. Я бы и сам чванился и гордился, если бы был искусен в этом деле; только ведь я в этом не искусен, о мужи афиняне!

Каллий (ок. 455–370 до н. э.) – афинский полководец, дипломат, богач и любитель роскошной жизни, шурин Алкивиада. Ксенофонт и Платон изображают Каллия как человека хвастливого, неостроумного, гонящегося за модой и переплачивающего софистам за их уроки.

Усовершенствовал присущую им породу – в оригинале буквально «вложил бы в их красоту и доброту надлежащую добродетель», важный и для античной философии и для античной риторики тезис, что добродетель (доблесть, лучшее качество) довершает дело самой природы. «Красота и доброта» («калокагатия») – греческое выражение, которое может означать как идеал публичного высоконравственного поведения, так и в очень размытом смысле «норму» (как американское «о'кэй» или французское «комильфо»), «бытие как надо», «бытие каким оно должно быть», в том числе и природное докультурное бытие.

Чванился и гордился – в оригинале буквально «украшал себя и вел себя вызывающе». Имеется в виду как провокационное одновременно речевое и бытовое поведение софистов, так и желание софистов приукрасить себя, в чем Сократ усматривал ложь.

Может быть, кто-нибудь из вас возразит: «Однако, Сократ, чем же ты занимаешься? Откуда на тебя эти клеветы? В самом деле, если бы сам ты не занимался чем-нибудь особенным, то и не говорили бы о тебе так много. Скажи нам, что это такое, чтобы нам зря не выдумывать». Вот это, мне кажется, правильно, и я сам постараюсь вам показать, что именно дало мне известность и навлекло на меня клевету.

Особенным – в оригинале буквально «излишеством, избыточным». Имеется в виду обычное обвинение со стороны завистников: «Ну, это уж слишком», «Ну, это он далеко зашел», «Это он как-то перебрал», которым оправдывают расправу.

Дало мне известность – в оригинале «сделало мне имя», выражение, которое и сейчас употребляется для факта знаменитости.

Слушайте же. И хотя бы кому-нибудь из вас показалось, что я шучу, будьте уверены, что я говорю сущую правду. Эту известность, о мужи афиняне, получил я не иным путем, как благодаря некоторой мудрости. Какая же это такая мудрость? Да уж, должно быть, человеческая мудрость. Этой мудростью я, пожалуй, в самом деле мудр; а те, о которых я сейчас говорил, мудры или сверхчеловеческой мудростью, или уж не знаю, как и сказать; что же меня касается, то я, конечно, этой мудрости не понимаю, а кто утверждает обратное, тот лжет и говорит это для того, чтобы оклеветать меня.

Сверхчеловеческий – такого отдельного слова в греческом языке нет, говорится буквально «выше человека» или «превышающее человека». Имеется в виду мудрость или иные качества богов, которые не нуждаются в человеческом обществе для своего проявления. В философии Платона и Аристотеля мудрость человека, которую мы бы назвали социальным опытом, противопоставляется мудрости богов, знающих будущее, а не только настоящее, с одной стороны, и мудрости животных, ведущих скучную жизнь, всегда добывающих себе пищу, мудрость которых поэтому ограничена лишь горизонтом выживания, с другой стороны. Конечно, это условная схема – и Платон и Аристотель признавали и некоторую ограниченность олимпийских богов, и некоторую избыточность в жизни и поведении животных, но эта схема исходна для понимания социального характера человеческого знания.

И вы не шумите, о мужи афиняне, даже если вам покажется, что я говорю несколько высокомерно; не свои слова буду я говорить, а сошлюсь на слова, для вас достоверные. Свидетелем моей мудрости, если только это мудрость, и того, в чем она состоит, я приведу вам бога, который в Дельфах.

Бог в Дельфах – Аполлон, общегреческое святилище которого находилось в Дельфах. Культ Аполлона был единым культом для всех греков, независимо от гражданской (полисной) принадлежности, и даже одна из ложных (поэтических) этимологий имени Аполлона была «Отрицающий множество», то есть Бог как начало единства, или «Губитель», губитель вредителей полей, защищающий урожай всех греков.

Аполлон

Ведь вы знаете Херефонта. Человек этот смолodu был и моим, и вашим приверженцем, разделял с вами изгнание и возвратился вместе с вами. И вы, конечно, знаете, каков был Херефонт, до чего он был неудержим во всем, что бы ни затевал. Ну вот же, приехав однажды в Дельфы, дерзнул он обратиться к оракулу с таким вопросом. Я вам сказал не шумите, о мужи! Вот он и спросил, есть ли кто-нибудь на свете мудрее меня, и Пифия ему ответила, что никого нет мудрее. И хотя сам он умер, но вот брат его засвидетельствует вам об этом.

Херефонт – афинский политик, один из самых преданных учеников Сократа. Высмеян в комедии Аристофана «Облака», где вместе с учителем якобы занимается решением философских вопросов вроде «передом или задом пищит комар» – вероятно, политическая шутка, не имеющая никакого отношения к реальным занятиям Сократа и его учеников. Херефонт

запомнился афинянам как мужественный человек, патриот, не склонный ни к каким авантюрам.

Пифия – дельфийская вещунья Аполлона, произносившая в состоянии транса загадочные пророчества. Часто до сих пор думают, что виной этому были ядовитые испарения в дельфийских горах, но, вероятно, под «испарениями» тогдашняя физиология понимала любое затуманивание мозга, независимо от причин, которыми могли быть, скажем, музыкальные ритмы.

Брат его (Хереконта) – Херекрат, по свидетельству Ксенофонта, Сократ умел мирить этих часто ссорившихся братьев.

Посмотрите теперь, зачем я это говорю; ведь мое намерение – объяснить вам, откуда пошла клевета на меня. Услыхав это, стал я размышлять сам с собою таким образом: что бы такое Бог хотел сказать и что это он подразумевает? Потому что сам я, конечно, нимало не сознаю себя мудрым; что же это он хочет сказать, говоря, что я мудрее всех? Ведь не может же он лгать: не полагается ему это.

Бог не может лгать – впоследствии этот тезис стал главным в утверждении Декартом достоверности окружающего мира: Бог как совершенный предмет мысли не может лгать мне, раз моя мысль о себе заведомо не может быть ложной, а значит, и более совершенная мысль о Боге подразумевает только истинные утверждения о бытии.

Долго я недоумевал, что такое он хочет сказать; потом, собравшись с силами, прибегнул к такому решению вопроса: пошел я к одному из тех людей, которые слывут мудрыми, думая, что тут-то я, скорее всего, опровергну прорицание, объявив оракулу, что вот этот, мол, мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым. Ну и когда я присмотрелся к этому человеку – называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что человек, глядя на которого я увидел то, что я увидел, был одним из государственных людей, о мужи афиняне, – так вот, когда я к нему присмотрелся (да побеседовал с ним), то мне показалось, что этот муж только кажется мудрым и многим другим, и особенно самому себе, а чтобы в самом деле он был мудрым, этого нет; и я старался доказать ему, что он только считает себя мудрым, а на самом деле не мудр. От этого и сам он, и многие из присутствовавших возненавидели меня.

Кажется мудрым – противопоставление «кажимости» (греч. «докса») и «истины» (греч. «алетейя») – ключевое в полемике Сократа против софистов, согласно Сократу не просто умеющих убедить аудиторию в мнимых вещах, но и выдающих за настоящую мудрость мнимую мудрость, мудрость напоказ, публичное знание в противовес истинному знанию.

Уходя оттуда, я рассуждал сам с собою, что этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего в совершенстве не знаем, но он, не зная, думает, что что-то знает, а я коли уж не знаю, то и не думаю, что знаю. На такую-то малость, думается мне, я буду мудрее, чем он, раз я, не зная чего-то, и не воображаю, что знаю эту вещь. Оттуда я пошел к другому, из тех, которые кажутся мудрее, чем тот, и увидел то же самое; и с тех пор возненавидели меня и сам он, и многие другие.

Что знаю эту вещь – вариант самого известного афоризма Сократа «Я знаю только, что ничего не знаю», который приписывался иногда также Демокриту Абдерскому. Это утверждение противопоставляет действительное знание, понимающее собственные пределы, мнимому знанию, опытному или социальному, всегда искажающему собственный предмет.

Ну и после этого стал я уже ходить по порядку. Замечал я, что делаюсь ненавистным, огорчался этим и боялся этого, но в то же время мне казалось, что слова Бога необходимо ста-

вить выше всего. Итак, чтобы понять, что означает изречение Бога, мне казалось необходимым пойти ко всем, которые слывут знающими что-либо. И, клянусь собакой, о мужи афиняне, уж вам-то я должен говорить правду, что я поистине испытал нечто в таком роде: те, что пользуются самою большою славой, показались мне, когда я исследовал дело по указанию Бога, чуть ли не самыми бедными разумом, а другие, те, что считаются похуже, – более им одаренными.

Клянусь собакой – частая клятва Сократа, считавшего слишком суежливым клясться богами.

Но нужно мне рассказать вам о том, как я странствовал, точно я труд какой-то нес, и все это для того только, чтобы прорицание оказалось неопровергнутым. После государственных людей ходил я к поэтам, и к трагическим, и к дифирамбическим, и ко всем прочим, чтобы на месте уличить себя в том, что я невежественнее, чем они.

Дифирамб – гимн в честь Диониса, бога вина, необходимая часть дионисийских праздников, справлявшихся в Афинах всенародно. На этих праздниках представлялись также трагедии и комедии. Изобретение дифирамба приписывалось поэту Ариону; дифирамб включал в себя обращения солиста к Богу, диалоги и хоровые партии «хора мужчин» и «хора мальчиков»; такая структура, вероятно, повлияла на становление трагедии и комедии; во всяком случае, Аристотель думал именно так. Современное значение слова, «неумеренная похвала», представляет собой школьную насмешку над восторженностью этих экстатических гимнов, но ничего не говорит об их содержании и сути.

Брал я те из их произведений, которые, как мне казалось, всего тщательнее ими отработаны, и спрашивал у них, что именно они хотели сказать, чтобы, кстати, и научиться от них кое-чему. Стыдно мне, о мужи, сказать вам правду, а сказать все-таки следует. Ну да, одним словом, чуть ли не все присутствовавшие лучше могли бы объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами. Таким образом, и относительно поэтов вот что я узнал в короткое время: не мудростью могут они творить то, что они творят, а какую-то природенную способностью и в исступлении, подобно гадалцам и прорицателям; ведь и эти тоже говорят много хорошего, но совсем не знают того, о чем говорят. Нечто подобное, как мне показалось, испытывают и поэты; и в то же время я заметил, что вследствие своего поэтического дарования они считали себя мудрейшими из людей и в остальных отношениях, чего на деле не было. Ушел я и оттуда, думая, что превосхожу их тем же самым, чем и государственных людей.

Природенную способностью и в исступлении – буквально, «от природы и в энтузиазме», энтузиазмом называлось вселение Бога в человека во время экстаза, вдохновение, близкое пророческому. Сократ поддерживает введенное софистами противопоставление «природы» и «искусства», но изменяет его смысл: если для софистов все социальное становилось условным и поэтому предметом манипуляции, то для Сократа социальное – это область действия особой мудрости, которой нет в природе. Мысль об иррациональных, инстинктивных истоках творчества потом поддерживалась многими мыслителями – от Платона до идеологов европейского романтизма.

Мудрейшие – имеется в виду не «учащие жизни» или «способные давать мудрые советы», но владеющие практической мудростью, мастера во всех ремеслах, профессионалы во всем. Сократ одновременно обличает и притязания софистов на универсальный профессионализм, и старые представления о поэзии как о вместилище всевозможной мудрости, в том числе практической, включая ремесленные советы, что было важно как для

читателей Гомера и Гесиода, так и для ранних философов, представлявших свои достижения и догадки в виде поэм «О природе».

Под конец уж пошел я к ремесленникам.

Ремесленник – «работающий руками», здесь это слово лишено всякого презрительного оттенка, Сократ сам был из ремесленников. Скорее, мы бы могли перевести это слово как «специалисты», создатели уникальных вещей. В классическую эпоху противопоставлялись «поэзия» как божественное творчество, влияющее на состояние всего мира, пересоздающее мир, и «искусство», оно же ремесло, как создание готовых вещей, например домов или кулинарных блюд. Современное высокое понимание «искусства» стало результатом начавшегося в эпоху Возрождения переноса привилегий «поэзии» на «ремесло».

Про себя я знал, что я попросту ничего не знаю, ну а уж про этих мне было известно, что я найду их знающими много хорошего. И в этом я не ошибся: в самом деле, они знали то, чего я не знал, и этим были мудрее меня. Но, о мужи афиняне, мне показалось, что они грешили тем же, чем и поэты: оттого, что они хорошо владели искусством, каждый считал себя самым мудрым также и относительно прочего, самого важного, и эта ошибка заслоняла собою ту мудрость, какая у них была; так что, возвращаясь к изречению, я спрашивал сам себя, что бы я для себя предпочел, оставаться ли мне так, как есть, не будучи ни мудрым их мудростью, ни невежественным их невежеством, или, как они, быть и тем и другим. И я отвечал самому себе и оракулу, что для меня выгоднее оставаться как есть.

Вот от этого самого исследования, о мужи афиняне, с одной стороны, многие меня возненавидели, притом как нельзя сильнее и глубже, отчего произошло и множество клевет, а с другой стороны, начали мне давать это название мудреца, потому что присутствующие каждый раз думают, что сам я мудр в том, относительно чего я отрицаю мудрость другого. А на самом деле, о мужи, мудрым-то оказывается Бог, и этим изречением он желает сказать, что человеческая мудрость стоит немногого или вовсе ничего не стоит, и, кажется, при этом он не имеет в виду именно Сократа, а пользуется моим именем для примера, все равно как если бы он говорил, что из вас, о люди, мудрейший тот, кто, подобно Сократу, знает, что ничего-то по правде не стоит его мудрость. Ну и что меня касается, то я и теперь, обходя разные места, выискиваю и допытываюсь по слову Бога, не покажется ли мне кто-нибудь из граждан или чужеземцев мудрым, и, как только мне это не кажется, спешу поддержать Бога и показываю этому человеку, что он не мудр. И благодаря этой работе не было у меня досуга сделать что-нибудь достойное упоминания ни для города, ни для домашнего дела, но через эту службу Богу пребываю я в крайней бедности.

Достойное упоминания – обычное выражение для достопамятного дела или события, того, что идет в учет, засчитывается человеку за заслугу (в наших представлениях – дело, заслуживающее почетной награды).

Пребываю я в крайней бедности – имущество Сократа оценивалось после смерти в 5 мин – примерно годовой заработок чернорабочего.

Кроме того, следующие за мною по собственному почину молодые люди, у которых всего больше досуга, сыновья самых богатых граждан, рады бывают послушать, как я испытываю людей, и часто подражают мне сами, принимаясь пытаться других; ну и я полагаю, что они находят многое множество таких, которые думают, что они что-то знают, а на деле ничего не знают или знают одни пустяки. От этого те, кого они испытывают, сердятся не на самих себя, а на меня и говорят, что есть какой-то Сократ, негоднейший человек, который развращает молодых людей. А когда спросят их, что он делает и чему он учит, то они не знают, что сказать, но,

чтобы скрыть свое затруднение, говорят то, что вообще принято говорить обо всех любителях мудрости: он-де занимается тем, что в небесах и под землею, богов не признает, ложь выдает за истину.

Испытываю – экзаменую. Сократ утвердил значение этого слова в смысле «расспросов».

Затруднение – греч. «апория», логическое понятие, обозначающее невозможность дать связный ответ на поставленный вопрос, включающий на одних правах конкретные и отвлеченные понятия. Известны, например, апории Зенона: «Можно ли говорить о движении, если в каждый момент движения тело неподвижно?» или «Можно ли, прибавляя по зерну, получить кучу, если сами по себе зерна еще не куча?»

А сказать правду, думаю, им не очень-то хочется, потому что тогда оказалось бы, что они только делают вид, будто что-то знают, а на деле ничего не знают. Ну а так как они, думаю, мне, честолюбивы, могущественны и многочисленны и говорят обо мне согласно и убедительно, то и переполнили ваши уши, клевета на меня издавна и громко.

Громко – можно перевести также как «сильно», «чрезмерно», «нагло».

От этого обрушились на меня и Мелет, и Анит, и Ликон: Мелет, негодуя за поэтов, Анит – за ремесленников, а Ликон – за риторов. Так что я удивился бы, как говорил вначале, если бы оказался способным опровергнуть перед вами в столь малое время столь великую клевету. Вот вам, о мужи афиняне, правда, как она есть, и говорю я вам без утайки, не умалчивая ни о важном, ни о пустяках. Хотя я, может быть, и знаю, что через это становлюсь ненавистным, но это и служит доказательством, что я сказал правду и что в этом-то и состоит клевета на меня и таковы именно ее причины. И когда бы вы ни стали исследовать это дело, теперь или потом, всегда вы найдете, что это так.

Итак, что касается первых моих обвинителей, этой моей защиты будет для обвинителей достаточно; а теперь я постараюсь защищаться против Мелета, любящего, как он говорит, наш город, и против остальных обвинителей. Опять-таки, конечно, примем их обвинение за формальную присягу других обвинителей. Кажется, так: Сократ, говорят они, преступает закон тем, что развращает молодых людей и богов, которых признает город, не признает, а признает другие, новые божественные знамения. Таково именно обвинение; рассмотрим же каждое слово этого обвинения отдельно. Мелет говорит, что я преступаю закон, развращая молодых людей, а я, о мужи афиняне, утверждаю, что преступает закон Мелет, потому что он шутит важными вещами и легкомысленно призывает людей на суд, делая вид, что он заботится и печалится о вещах, до которых ему никогда не было никакого дела; а что оно так, я постараюсь показать это и вам.

Любящего... наш город – Сократ иронизирует: слушатели помнили, что Мелет сотрудничал с оккупационной властью Тридцати тиранов.

Божественные знамения – лучше перевести просто «божества», греческое «даймонион» означает «нечто божественное», и так Сократ называл своего духа (на латинский это слово было переведено как «гений», откуда знакомый нам арабский джинн и гений в значении «творческий вдохновитель»).

Шутит важными вещами – буквально «усердно (или: пристрастно, тенденциозно, «от души») издевается». Слово, переведенное как «шутить», имело смысл скорее «заигрывать» (в том числе эротически ухаживать, что есть и в старом русском «шутить с девицей»), а также издеваться, играть с тем, что заслуживает почтения.

– Ну вот, Мелет, скажи-ка ты мне: не правда ли, для тебя очень важно, чтобы молодые люди были как можно лучше?

Не вполне ясно, действительно ли Мелет отвечал на вопросы Сократа или эти ответы подразумевались самой логикой обращений Сократа к Мелету. Перед нами один из первых образцов речи, построенной как скрытый диалог с собеседником, который вынужден признать неправильность своей позиции. Таких речей сейчас немало в голливудских фильмах: собеседнику не обязательно даже отвечать, потому что зритель сразу поймет, что тот может ответить.

– Конечно.

– В таком случае скажи-ка ты вот этим людям, кто именно делает их лучшими? Очевидно, ты знаешь, коли заботаешься об этом. Развратителя ты нашел, как говоришь: привел сюда меня и обвиняешь; а назови-ка теперь того, кто делает их лучшими, напости им, кто это. Вот видишь, Мелет, ты молчишь и не знаешь, что сказать. И тебе не стыдно? И это не кажется тебе достаточным доказательством, что тебе нет до этого никакого дела? Однако, добрейший, говори же: кто делает их лучшими?

Добрейший – в оригинале просто «добрый»: одно из обычных обращений к собеседнику, вроде нашего «друг» или «почтенный». Насколько нейтральны, а насколько ироничны такие обращения – сказать трудно: обычно в речи эти оттенки непостоянные и мерцающие.

– Законы.

– Да не об этом я спрашиваю, любезнейший, а о том, кто эти люди, что прежде всего знают их, эти законы.

– А вот они, Сократ, – судьи.

– Что ты говоришь, Мелет! Вот эти самые люди способны воспитывать юношей и делать их лучшими?

– Как нельзя более.

– Все? Или одни способны, а другие нет?

– Все.

– Хорошо же ты говоришь, клянусь Герой, и какое множество людей, полезных для других! Ну а вот они, слушающие, делают юношей лучшими или же нет?

Клянусь Герой – клятва Герой часто заменяла высшую клятву, клятву Зевсом: клясться именем супруги вместо супруга казалось безопаснее. Существовала также клятва Харитами – первоначально словом «харита» называлась особая жидкость, изливаемая с неба и делающая человека прекрасным и вдохновенным; вероятно, изначально опьяняющая жидкость или блеск неожиданного явления богов, но в классической Греции уже складывается представление о Харитах как о богинях юной и вдохновенной красоты, прелести и милости. В христианстве словом «харита» называется благодать, тоже мыслимая как обильная и вдохновляющая жидкость, «излияние благодати».

– И они тоже.

– А члены Совета?

Совет – Совет Пятисот, высший орган административной и судебной власти в древних Афинах. В него избиралось по 50 человек от каждой из 10 фил (исторических районов) Афин; филы заседали поочередно, так что практические решения принимали 50 человек, именовавшиеся на время их

полномочий пританами, то есть ответственными лицами. В современном греческом пританом называется ректор университета. Председатель сессии звался эпистатом, предстоятелем, он избирался в начале каждого заседания. При этом для суда собирались все 500, как это и было в суде над Сократом.

– Да, и члены Совета.

– Но в таком случае, Мелет, не портят ли юношей те, что участвуют в Народном собрании? Или и те тоже, все до единого, делают их лучшими?

– И те тоже.

– По-видимому, кроме меня, все афиняне делают их добрыми и прекрасными, только я один порчу. Ты это хочешь сказать?

– Как раз это самое.

– Большое же ты мне, однако, приписываешь несчастье. Но ответь-ка мне: кажется ли тебе, что так же бывает и относительно лошадей, что улучшают их все, а портит кто-нибудь один? Или же совсем напротив, улучшать способен кто-нибудь один или очень немногие, именно знатоки верховой езды, а когда ухаживают за лошадьми и пользуются ими все, то портят их? Не бывает ли, Мелет, точно так же не только относительно лошадей, но и относительно всех других животных? Да уж само собою разумеется, согласны ли вы с Анитом на это или не согласны, потому что это было бы удивительное счастье для юношей, если бы их портил только один, остальные же приносили бы им пользу. Впрочем, Мелет, ты достаточно показал, что никогда не заботился о юношах, и ясно обнаруживаешь свое равнодушие: тебе нет никакого дела до того самого, из-за чего ты привел меня в суд.

Лошади – мода на дорогих лошадей была в Афинах устойчивой, владеть лошастью и много времени уделять выездам и уходу за ней – признак как аристократа, так и нувориша. Сократ намекает на то, что обвинители обращаются к сознанию недавних выскочек. Интересно, что мода на лошадей обыграна и в «Облаках» Аристофана, где незадачливый последователь Сократа носит нелепое имя Фидиппид, то есть Лошадечтитель, и помешан только на лошадях и скачках – наподобие нынешнего помешательства «золотой молодежи» на спортивных автомобилях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.